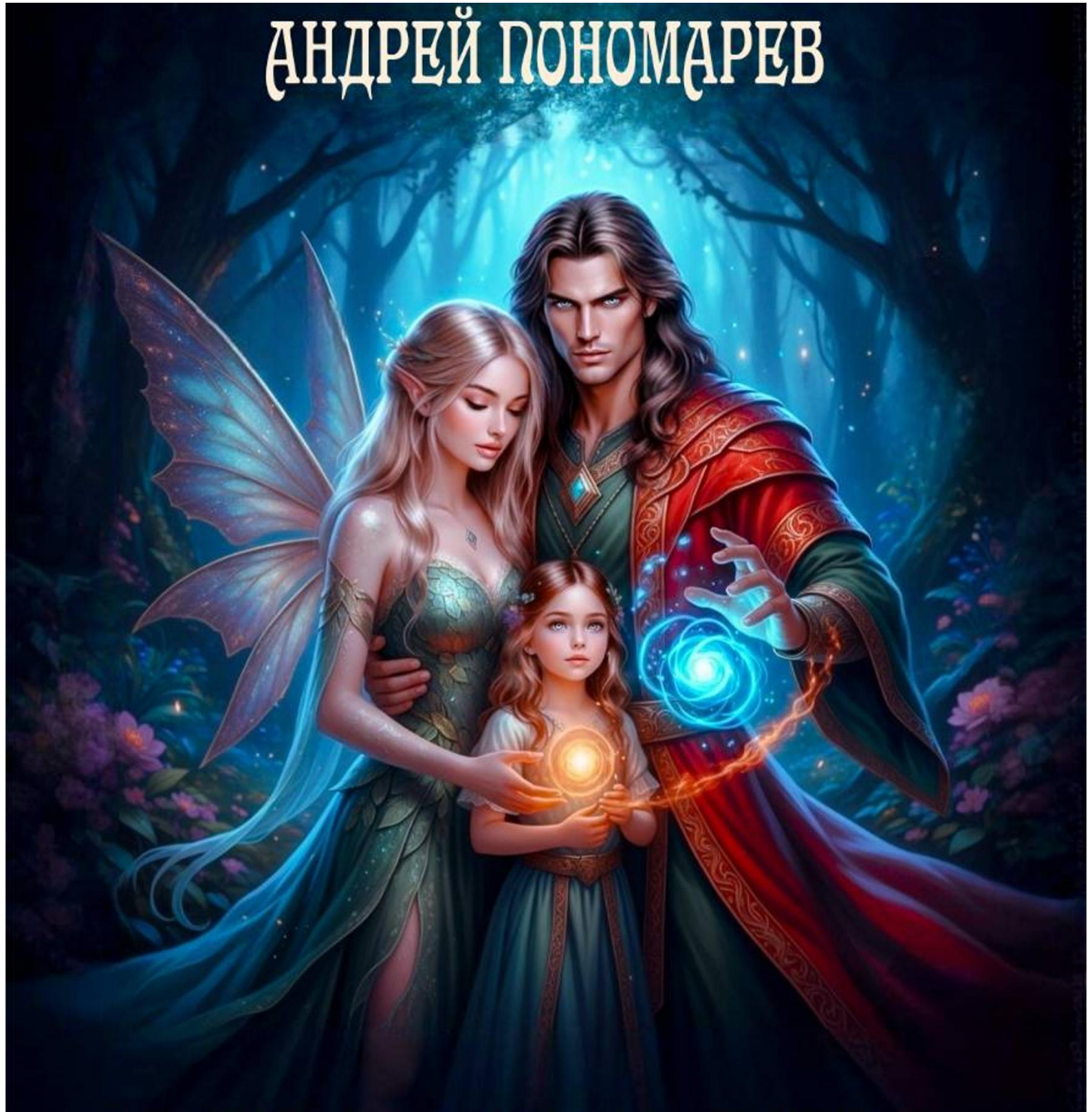

АНДРЕЙ ПОНОМАРЕВ

ЧИСТИЛЬЩИК МИРОВ

КНИГА 3

ФЕЙРИ

Андрей Пономарев

Чистильщик миров - 3

«Автор»

2026

Пономарев А. В.

Чистильщик миров - 3 / А. В. Пономарев — «Автор», 2026

Он – санитар мультивселенной. Его работа – зачищать миры, угрожающие друг другу. Но когда масштабная аномалия ставит под удар саму реальность, кто-то должен выйти за пределы своих обычных задач. Увлекательный приключенческий роман о героизме, долге и столкновении с силами, способными уничтожить всё сущее.

© Пономарев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дверь под камнем	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Пономарев

Чистильщик миров - 3

Глава 1 Дверь под камнем

Ночь не ушла из Туманной Пяди вместе с рассветом. Она лишь отступила чуть дальше — к оврагу, к рощице за полем, к чёрному камню со стёртыми знаками, под которым что-то ждало. Утренний свет был серым, слабым и холодным, как вода в забытом колодце. Он не разгонял мрак, а только делал его видимым.

Юлий не спал. Когда первые полосы блеклого света легли на оконное стекло, он всё ещё сидел за столом в старом доме писаря, положив меч поперёк колен. Свечи давно прогорели наполовину, воздух в комнате пропитался воском, уксусом и гарью от сожжённой ночной твари. На столе, под двумя слоями ткани и серебряной нитью, лежала тёмная пластина — маленький ключ к большой беде.

Он поднялся лишь тогда, когда за стеной слышались первые человеческие шаги. Ночь дала ему достаточно. Подмена голосов. Попытка дотянуться до пластины. Отклик из-под земли. И главное — подтверждение того, что под камнем действительно не просто очаг скверны. Там было нечто иное. Старое. Запертое. И уже потревоженное.

Юлий убрал записи в сумку, проверил футляр с пластиной, обновил печать на крышке и только потом снял засов.

На пороге его уже ждал староста. Вид у того был такой, будто он сам этой ночью не ложился: глаза покраснели, щёки осунулись, борода была плохо приглажена. Но в движениях появилась новая собранность. Страх никуда не делся, просто теперь у него появилось направление.

— Ну? — спросил староста тихо. — Выглядишь так, будто ночь была поганая.

— Была, — спокойно ответил Юлий. — Но полезная.

— Оно приходило?

— Да.

Староста несколько секунд молчал, потом криво усмехнулся.

— Я уже и не знаю, на какой ответ надеялся.

Юлий вышел на крыльцо. Утро встретило его влажным холодом. Над двором гарнизона стоял низкий туман, не такой плотный, как у оврага, но всё равно неприятный. Люди уже не спали: двое солдат таскали воду, кто-то у конюшни проверял сбрую, у кухни курился дым. Однако говорили все вполголоса, и каждый второй поглядывал в сторону окраины деревни.

— Собери мне трёх человек, — сказал Юлий. — Не самых храбрых — самых дисциплинированных. Чтобы делали ровно то, что сказано. Один пусть несёт воду, второй — инструменты, третий — следит, чтобы никто посторонний не подошёл близко.

— Уже готово, — ответил староста. — Я на всякий случай распорядился ещё до рассвета.

Юлий коротко кивнул.

— Егор?

— Тоже здесь. Упрямится, хочет идти с вами.

— Пойдёт. Но будет стоять за контуром.

Староста замялся.

— И ещё... бабка Варна просила передать, что если ты всё-таки полезешь к камню, то сперва должен «разбудить соль, а не железо».

Юлий бросил на него быстрый взгляд.

— Это дословно?

— Ага. Только я не понял, что она несёт, а она меня клюкой чуть не прибила и велела сказать слово в слово.

— Значит, не зря дожила до своих лет, — пробормотал Юлий.

Он ненадолго посмотрел в сторону рощи. Даже отсюда, через дома и двор, чувствовалось направление беды — как если бы в земле поселился незримый холодный ток.

— Выходим через четверть часа.

Людей староста подобрал и правда удачно. Первым был Егор — бледный, невыспавшийся, но уже не трясущийся так, как вчера. Вторым — широкоплечий гарнизонный солдат по имени Ратмир, молчаливый и, судя по лицу, привыкший не задавать лишних вопросов. Третьим — молодой деревенский мужик Фома, сухой, быстрый, с нервным взглядом, но твёрдыми руками. Именно ему достались мешки с солью, кувшин с освящённой водой из гарнизонного запаса и деревянный ящик, куда Юлий сложил серебряные штыри, очищающие пластины, мел и две небольшие стеклянные ампулы с янтарной жидкостью.

Староста шёл сам.

— Вы с нами не обязаны, — сказал ему Юлий, когда они подошли к воротам.

— Обязан, — просто ответил тот. — Если это моя деревня, то и стоять я должен там же, где решается её судьба.

Юлий спорить не стал.

Дорога к оврагу при дневном свете выглядела ещё мрачнее, чем вчера. Теперь были видны все мелочи: серые проплешины в траве, вздувшаяся земля возле южного колодца, потемневшие листья на кустах, будто их прихватило не морозом, а болезнью. Деревня жила, но уже дышала не в полную силу.

Когда они миновали последние дома, Варна окликнула их со своего двора. Старуха стояла у калитки, закутанная в шерстяной платок, и казалась такой маленькой на фоне сырого утра, что её голос прозвучал почти неестественно резко:

— Эй, чистильщик!

Юлий остановился.

— Что ещё?

Старуха прищурилась.

— Если земля под камнем пойдёт дышать — не бей в центр.

— Почему?

— Потому что центр только и ждёт, чтобы в него полезли, — огрызнулась она. — Сначала режь края. Всегда края. Так язву чистят, так и печать держат.

Юлий задержал на ней взгляд чуть дольше. Она не знала магической теории. Но кто-то когда-то объяснил это её роду очень правильно.

— Запомнил, — сказал он.

Старуха махнула рукой, будто прогоняла их.

— Тогда иди уже. И не помри так глупо, чтобы потом не было стыдно рассказывать.

Егор нервно хмыкнул, староста покачал головой, а Юлий впервые за утро едва заметно усмехнулся.

— Хорошее напутствие.

И они пошли дальше. У тропы их уже ждали двое мужчин из ночного караула. Оба выглядели так, словно рады были передать пост кому угодно.

— Ничего не случилось? — спросил староста.

— Ночью снизу вой шёл, — ответил один из них. — А под утро, вроде, стук. Мы не совались.

Юлий коротко кивнул.

— И правильно.

Он остановился у начала спуска и открыл сумку.

— С этого места слушайте внимательно. Ни один из вас не подходит ко мне ближе, чем я разрешу. Если земля зашевелится — не бегите вниз смотреть, а уходите назад к полю. Если услышите знакомый голос из оврага — молчите. Если увидите кого-то между деревьями — не зовите меня по имени, пока не убедитесь, что это я.

Фома перекрестился. Ратмир только крепче сжал древко короткого копья.

Староста спросил:

— А если оно попробует выйти?

Юлий посмотрел на овраг.

— Тогда мы узнаем, насколько хорошо его когда-то заперли.

Он пошёл первым. На дне оврага дневной свет почти не держался. Белёсый туман лежал между корней и влажной глиной, как и вчера, но сейчас в нём угадывалось какое-то ленивое движение — словно он ворочался во сне. Камень стоял на прежнем месте, мрачный, тяжёлый, с тёмными линиями свежего вскрытия. Поставленный ночью временный контур ещё держался, но серебряная нить заметно потускнела.

— Хорошо, что пришли утром, — сказал Юлий вполголоса. — Ещё одна ночь — и пришлось бы начинать с удержания прорыва.

Он опустился на корточки у края контура и приложил к земле прибор Аластора. Зелёная искра мгновенно качнулась и густо разлилась по стеклу. Потом начала пульсировать — мерно, как слабый больной пульс.

— Участок живой, — тихо сказал он. — Вернее, заражение здесь не просто осталось. Оно подпитывается снизу.

Егор стоял чуть выше, на склоне, и с трудом сдерживал дрожь.

— Это значит, дверь правда открывается?

— Не дверь, — ответил Юлий. — Пока только щель вокруг замка.

Он поднялся и указал Фоме:

— Соль сюда. Полукругом. Не доходя трёх шагов до камня.

А потом перевел взгляд на Ратмира.

— Воду пока не лей. Жди моего сигнала. — Тот кивнул и Юлий приблизился к старосте. — Следите, — сказал он, — чтобы никто не заговорил, если в тумане что-то почудится.

Работа началась. Сначала Юлий мелом обозначил внешний круг — широкий, неровный, охватывающий не только сам камень, но и наиболее тёмные участки земли вокруг него. Затем в четырёх точках вбил серебряные штыри, связал их тонкой нитью и положил между ними пластины очищения. Делал он всё быстро, без суеты, точно человек, который уже не раз стоял на границе между просто опасным и по-настоящему дурным местом.

Когда контур был готов, он велел Фоме подать соль. Вспомнив слова Варны, Юлий не стал сыпать её прямо к основанию камня. Он пошёл по краю круга, медленно вычерчивая солью второй рубеж — не защитный, а режущий. Белая линия легла на влажную землю, и почти сразу там, где под почвой клубилась скверна, соль начала сереть.

— Видите? — тихо спросил Юлий, не оборачиваясь.

— Вижу, — хрипло отозвался староста.

— Значит, язва расплзлась дальше, чем кажется. Сейчас будем отсекай внешнее.

Он поднял руку над солью и начал читать заклинание очистки — не громко, но чётко. Воздух в овраге дрогнул. Туман у земли пошёл рябью. Сереющая соль вдруг зашипела, словно её бросили на раскалённое железо.

А потом земля у дальнего края круга вздулась. Фома вскрикнул и попятился.

— Стоять! — резко бросил Юлий.

Из-под влажной почвы медленно проступила чёрная жидкость, густая, как смола. Она не била фонтаном — только сочилась, лениво, будто не хотела показываться на свет. Там, где капли касались соли, раздавался едкий треск.

— Вот оно, — тихо сказал Юлий. — Остаточный выпот.

Ратмир побледнел.

— Это кровь?

— Нет. Хуже. Не наступать.

Юлий вынул из сумки первую ампулу и, разбив её о камень у самой кромки чёрной жижи, отступил на полшага. Янтарная жидкость вспыхнула бледно-золотым огнём, не жарким, а сухим, почти бесцветным. Пламя пошло по земле кругом, будто повторяя начерченную солью линию.

Чернота забурилась. Из оврага потянуло такой вонью сырого погреба, тлена и железа, что Фома согнулся, зажимая рот ладонью. Егор побелел как полотно.

Староста же смотрел, не отрываясь, и пальцы его так вцепились в край плаща, что костяшки выступили сквозь кожу.

— Вода! — приказал Юлий.

Ратмир шагнул вперёд и плеснул из кувшина освящённую воду поверх загоревшейся линии. Раздался резкий треск. Огонь не погас — наоборот, стал ярче на один короткий миг, а потом ушёл вниз, под землю. И тогда камень дрогнул. Совсем чуть-чуть. Но этого было достаточно, чтобы все пятеро это почувствовали.

Не глазами. Ногами. Будто глубоко под оврагом кто-то медленно повернулся во сне. Фома выругался шёпотом. Егор судорожно перекрестился. А Юлий поднял голову и посмотрел на стёртые знаки на камне.

Они светились. Очень слабо. Но теперь древняя резьба проступала явственнее, чем раньше. И между старых линий стали заметны новые, те, что кто-то выжиг недавно, пытаясь сломать печать.

— Получается, очистка вытянула верхний слой грязи, — пробормотал Юлий. — Хорошо. Значит, основание ещё держит форму.

— Это хорошо? — сразу спросил староста.

— Для нас — да. Для того, кто хотел это вскрыть, — нет.

Он сделал шаг ближе к камню и опустился на одно колено. Теперь под пластом налипшей грязи и мха проступал рисунок, которого вчера он не видел целиком: старый знак запечатывания, сложный, многослойный, с тремя узловыми точками по краям. Центральная часть была надорвана. Но не разрушена.

— Кто-то работал грубо, — сказал Юлий. — Они нашли печать, поняли, где центр, и ударили туда, не развязав края. Из-за этого пошла утечка, но замок не распался.

— То есть сами себе помешали? — спросил Егор.

— Именно так.

Староста мрачно усмехнулся.

— Ну хоть в чём-то нам везёт.

Юлий уже хотел ответить, но в этот миг прибор Аластора у него на поясе резко затрещал. Туман внизу оврага дрогнул. Потом начал стягиваться к камню. Не быстро — плавно, как вода в воронку.

— Назад, — тихо сказал Юлий.

Никто не шелохнулся.

— Назад! Все!

На этот раз его послушались мгновенно. Сам он не отступил.

Он вытащил из сумки футляр с тёмной пластиной, но не открыл. Только положил его перед собой на землю, прямо на границу внешнего очищенного круга. Туман потянулся к футляру. Камень снова дрогнул. И из узкой трещины у его основания раздался звук.

Не стук. Не скрежет. Это был глубокий, глухой вздох, будто что-то под землёй почувствовало возвращение утраченного ключа.

По оврагу прокатилась волна холода. А на влажной земле прямо перед камнем медленно, одна за другой, начали проступать тонкие чёрные линии. Они складывались в контур. В очертание двери. Высокой, уходящей вниз, под землю.

Староста охнул. А Фома попятился так резко, что едва не оступился на склоне. Егор, наоборот, застыл как вкопанный, не в силах отвести глаз. Юлий смотрел на проявляющийся рисунок и понимал одно: они подошли не к началу заражения. Они подошли к порогу. И этот порог начинал отвечать.

Чёрные линии на земле проступали медленно, но неотвратно. Сначала — как трещины в сырой глине. Потом — как следы от угля. И уже через несколько ударов сердца они сложились в чёткий контур: высокий прямоугольник с заострённым верхом, будто дверной проём старого склепа, вдавленный в землю перед камнем. Линии были не нарисованы и не выжжены — они проступали изнутри, словно под верхним слоем почвы давно существовала чужая разметка, а теперь кто-то вспоминал её форму.

Юлий не двигался. Холод, шедший от контура, уже нельзя было назвать просто сыростью. Он проходил сквозь сапоги, через кости, под кожу. Это был холод пустоты — не зимы, не воды, а пространства, где не должно быть ничего живого.

За его спиной тяжело дышал староста. Фома тихо матерился одними губами, будто читал мантру. А Ратмир молчал, но сжал копьё так, будто в одном древке была вся его вера в порядок вещей.

Егор не выдержал напряжения и выдавил шёпотом:

— Это... это она?

— Нет, — ответил Юлий, не отрывая взгляда от чернеющего контура. — Это только след.

— След чего? — так же тихо спросил староста.

— Того, чем здесь запирали.

Футляр с пластиной лежал на земле в паре шагов от двери-рисунка, и туман тянулся к нему всё настойчивее. Он уже не просто стелился — он скапливался над футляром рыхлой белёсой массой, словно принимался.

Юлий медленно потянул руку назад.

— Никто не подходит ближе.

— А ты? — спросил староста.

— А я уже здесь.

Он присел на одно колено и осторожно, не открывая, придвинул футляр кончиком ножен чуть влево — к краю проявившегося рисунка, не в центр.

Сразу. Мгновенно. Чёрные линии дёрнулись. Не вспыхнули — именно дёрнулись, будто натянутая жила. Из-под земли донёсся глухой стук.

Один. Потом второй. И третий — уже ближе.

Фома попятился.

— Господин... господин маг, мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — сухо ответил Юлий. — Но, если не понять, где порог откликается, мы будем чистить вслепую.

Он убрал ножны, достал мел и быстро нанёс на земле ещё три короткие отметки: по бокам проявившейся двери и у нижнего края. Затем вынул серебряный штырь и вогнал его в левую метку.

Штырь вошёл наполовину — и резко зазвенел. Не от удара. Сам по себе. Звук вышел тонкий, протяжный, как если бы под землёй отозвался второй кусок того же металла.

Юлий замер. Потом медленно выдохнул.

— Вот оно.

— Что? — снова не выдержал Егор.

— Печать многослойная. Камень — только внешний замок. Под ним есть силовой каркас. И он ещё жив.

Староста нервно провёл ладонью по бороде.

— Это хорошо или плохо?

— Это даёт шанс закрыть всё обратно, не вскрывая глубину. Если, конечно, не опоздали.

Слово «если» никто не прокомментировал. Юлий вбил второй штырь справа. Потом третий — в нижнюю отметку. На этот раз земля отозвалась иначе. От чёрного контура двери вверх поднялся тонкий, почти прозрачный пар. Он был темнее тумана, плотнее воздуха и двигался так, будто в нём уже есть намерение.

Прибор Аластора на поясе Юлия затрещал громче. Зелёная искра внутри стекла сделалась густой, с болотным отливом.

— Ратмир, — не оборачиваясь сказал Юлий. — Если оттуда что-то выйдет, бьёшь только по моей команде. Копьё держи ниже груди.

— Понял.

— Фома, воду готовь. Но не лей, пока не скажу.

— Сделаю, не сомневайся, — уверенно произнес тот.

— Егор, староста — за внешний соляной круг. Если я крикну «вверх», бегом на склон. Не спорить.

Староста хотел что-то возразить, но в этот миг контур двери вздохнул. Именно так это и ощущалось. Не треснул, не закрипел, не загудел. Будто из-под земли кто-то очень медленно и очень давно задержанный выпустил воздух.

Затем середина чёрного рисунка начала темнеть. Не вся земля — только пространство внутри контура. Оно быстро теряло цвет, будто в нём гас свет мира. Глина, камешки, корни — всё погружалось в мутную угольную глубину, пока не стало похоже на вертикальную лужу тьмы, лежащую не сверху, а под тонкой плёнкой реальности.

Юлий поднялся. Меч вышел из ножен мягким шёпотом. Огненный камень в основании лезвия вспыхнул алым.

— Не смотреть вглубь, — сказал он. — Ни при каких обстоятельствах.

Поздно. Егор уже успел кинуть взгляд в почерневший проём и резко пошатнулся. Юлий заметил это боковым зрением.

— Глаза вниз!

Парень дёрнулся, зажмурился и схватился за виски.

— Там... там будто ступени...

— Я сказал, вниз.

Юлий сам тоже не смотрел прямо в центр. Только по касательной, только на край, на поведение линий, на дрожь воздуха. И тогда из тьмы показалась рука. Не человеческая. Слишком длинная, тонкая, составленная будто из чёрных костяных прутьев, обтянутых полупрозрачной серой кожей. Пальцев было четыре, и каждый заканчивался не ногтем, а роговым шипом.

Рука медленно зацепилась за край порога. Потом появилась вторая. Староста выругался вполголоса. Фома всхлипнул так, будто сам не заметил.

Юлий, наоборот, успокоился. Когда ужас принимает форму, с ним уже можно работать.

— Не бить, — жёстко сказал он.

Из тьмы начала подниматься фигура. Она была примерно с человека ростом, но казалась выше из-за худобы и ненормально длинных конечностей. Голова — вытянутая назад, без волос, с чёрными провалами вместо глаз и узкой трещиной рта. На груди, под рёбрами, что-то тускло мерцало, как гаснущий уголёк.

Существо выбралось на четвереньках, будто сначала не помнило, как стоять прямо. Потом медленно выпрямилось. Туман вокруг него отпрянул.

Юлий сразу понял: это не та тварь, что приходила ночью в виде дымки. Эта была плотнее. Старше. Собраннее. Не хозяин — но и не просто выброс. Страж порога. Или то, что от него осталось.

Существо повернуло голову к футляру с пластиной. Потом — к Юлию. И заговорило. Его голос шёл не из рта. Он звучал как скрежет камня под водой.

— Ключ... вернулся...

Староста вздрогнул. Егор, всё ещё не поднимая глаз, прошептал:

— Оно говорит...

— Молчи, — отрезал Юлий.

Он сделал полшага в сторону, перекрывая существу путь к футляру.

— Кто ты? — спросил он.

Провалы глаз задержались на нём.

— Порог... держал... долго...

— Имя.

Тварь будто не сразу поняла вопрос. Потом с треском, словно ломающиеся ветки, выпрямила шею ещё сильнее.

— Страж... внешнего узла.

Юлий внутренне отметил каждое слово. Не врал ли? С такими сущностями вопрос сложный. Они могут говорить правду, но так, чтобы ты понял её слишком поздно.

— Кто пытался открыть печать? — спросил Юлий.

Тварь замерла. В груди под рёбрами тусклый уголёк на миг вспыхнул ярче.

— Слепые... с живой кровью... ломали... звали имя... не открыли.

— Чьё имя?

На этот раз существо не ответило сразу. Его голова дёрнулась к тёмному проёму за спиной, словно там было что-то, чего оно боялось даже теперь.

— Спящее... имя не будят.

— Моргрят? — резко спросил Юлий.

И вот тогда тварь впервые отреагировала по-настоящему. Её пальцы вцепились в землю. Провалы глаз как будто углубились. А трещина рта разошлась шире.

— Не говори... на пороге...

Сзади кто-то шумно втянул воздух. Староста.

Юлий сжал рукоять меча крепче. Значит, Варна не ошиблась. И имя это было не случайным.

— Если ты страж, почему выходишь наружу? — спросил он. — Печать ведь должна держать тебя внутри.

— Держит... глубже, — проскрежетала тварь. — Внешний узел ранен. Я вытек... как дым... как зов... как голод.

Это объясняло многое. И ночную дымку. И подмену голосов. И то, что внешняя скверна в деревне расползлась очагами, а не единым валом. Перед ними был не полноценный узник, а его пороговый отблеск. Сторожевой слой, сорванный частичным вскрытием.

— Можно ли восстановить внешний узел без открытия глубины? — спросил Юлий.

Староста даже повернул голову к нему — будто не ожидал, что он будет говорить с этим. Но существо молчало. Потом медленно подняло одну руку и указало на футляр.

— Ключ... в ложный замок не вставляют... Только в живой.

— Говори ясно.

— Вернуть... в камень... связать края... напоить солью... сжечь грязь... Тогда затянется.

В голосе твари не было просьбы. Только констатация. Но Юлию не нравилось, как легко она отвечает.

— А что получишь ты? — спросил он.

Трещина рта будто дрогнула. Если бы твари умели улыбаться по-человечески, это было бы похоже именно на улыбку.

— Исчезну... или усну... Разницы нет.

— Врёт? — шёпотом спросил староста.

— Не знаю, — так же тихо ответил Юлий.

И в ту же секунду из тёмного проёма за спиной стража донёлся другой звук. Не стук. Не вздох. Голос. Глубокий, бессловесный, похожий на далёкий рокот каменного колодца. Страж дёрнулся так резко, что его плечи затряслись.

— Поздно... — проскрежетал он. — Оно слышит...

Чёрный проём внутри контура двери вдруг дрогнул и пошёл рябью. Юлий увидел это первым.

— Все назад! Вверх по склону!

Ратмир схватил Фому за плечо и буквально потащил наверх. Староста отшатнулся, увлекая за собой Егора, который всё ещё тяжело дышал и едва стоял на ногах.

Только Юлий не ушёл. Страж резко повернулся к тёмному проёму, и в этот миг из глубины вылетела тонкая чёрная нить. Нет — хлыст. Слишком быстрый, чтобы человек успел осознать движение.

Он ударил стража в спину, пробил грудь насквозь и вышел через тускло мерцающий узел под рёбрами. Существо выгнулось. Трещина рта распахнулась беззвучно. А потом его начало рвать изнутри на дым, пепел и чёрные хлопья.

Юлий метнулся в сторону, избежав брызг тьмы, и ударил мечом по самому хлысту. Огненное лезвие встретило сопротивление, как если бы он рубил мокрый канат, сплетённый из теней и жил.

Раздался визг. Не стража. Чего-то глубже. Хлыст дёрнулся обратно в проём, но меч срезал с него кусок. Тот упал на землю, забился, как отрубленная змея, и тут же начал прожигать траву.

— Вода! — крикнул Юлий.

Ратмир, уже почти на склоне, резко развернулся и швырнул кувшин вниз. Юлий поймал его одной рукой и выплеснул прямо на корчащийся обрубок тьмы.

Освящённая вода вспыхнула белым. Землю окатило паром. Обрубок скрутился в плотный узел и лопнул серым пеплом. А вот со стражем было уже кончено.

Там, где он стоял, теперь осыпалась чёрная крошка. Из всей фигуры уцелело только одно — тусклый камешек размером с орех, выпавший из грудной полости и лежавший на грязи.

Юлий заметил его сразу. Не раздумывая, он подцепил камешек концом ножен и отбросил за очищающий круг. В тот же миг проём в земле задрожал сильнее.

Глубина внутри него словно попыталась вытолкнуть что-то ещё. Юлий принял решение мгновенно. Не атаковать центр. Резать края.

Слова Варны вспыхнули в памяти так вовремя, будто старуха стояла рядом. Он сорвал с пояса вторую ампулу, метнул её не в проём, а в правый верхний край чёрного контура. Потом сразу — очищающую пластину в левый нижний. Янтарная жидкость вспыхнула. Пластина ответила ослепительным белым светом. Разные по природе силы ударили не в сердце двери, а в её надорванные углы.

Контур задрожал. Чёрные линии пошли трещинами. Из проёма рванул ледяной ветер, полный шёпота, стука, далёких голосов — будто за порогом сразу десятки глоток пытались заговорить, но ни одна не могла пробиться внятно.

— Сейчас! — крикнул Юлий.

Он выхватил футляр, распахнул его и, не касаясь руками, выбросил пластину прямо к основанию камня — в то место, где древние линии печати проступали ярче всего.

Пластина ударилась о землю. Подскочила. Прокатилась на палец. И замерла точно в узловой выемке, будто её действительно туда когда-то вставляли.

Камень вспыхнул. Старые знаки на его поверхности залились тусклым серебром. А чёрный проём в земле дёрнулся, как пойманный зверь. Юлий ударил мечом в воздух над ним, не рубя тьму, а завершая заклинание жестом.

— Сомкнись.

Слово вышло коротким, жёстким, почти злым. И что-то откликнулось. Сначала края контура пошли внутрь, стягиваясь. Потом почерневшая земля дрогнула, словно глубина снизу втянула собственный язык обратно.

Шёпот сорвался. Ледяной ветер оборвался. Чёрные линии вспыхнули в последний раз — и исчезли. Там, где секунду назад проявлялась дверь, осталась только мокрая, изрытая почва, камень со светящимися рунами и резкий запах озона вперемешку с сырой глиной.

Наступила тишина. Ненастоящая. Слишком внезапная. Юлий не опускал меч ещё несколько секунд. Потом медленно выдохнул.

— Не подходить, — хрипло сказал он.

Склон за его спиной молчал. Только после этого он обернулся. Староста стоял бледный как известь. Фома сидел прямо на земле, потому что ноги у него, видимо, отказались его держать.

Ратмир всё ещё сжимал в руке пустой кувшин, будто не понимал, как тот у него остался. Егор смотрел вниз огромными глазами.

— Оно... закрылось? — наконец выдавил староста.

Юлий перевёл взгляд на камень. Старые руны на нём постепенно тускнели, но не гасли совсем. Прибор Аластора тоже изменился: мутно-зелёная искра ещё дрожала, однако больше не рвалась в сторону земли как безумная.

— Внешний узел — да, — ответил он. — Но глубина жива.

— Что это значит? — спросил Ратмир.

— Это значит, что мы только что прижали крышку обратно. Но не вычистили то, что под ней.

Фома судорожно перекрестился.

— А эта... эта дрянь, что вышла первой?

Юлий посмотрел на россыпь чёрного пепла там, где стоял страж.

— Остаток привратника. Сторожевой слой. То, что держалось у самого порога.

— А то, что убило его? — тихо спросил Егор.

Вот на этот вопрос Юлий ответил не сразу. Он подошёл к внешнему кругу, не заходя внутрь, и кончиком меча подтянул к себе выброшенный ранее камешек, выпавший из груди стража. Теперь, когда опасность схлынула, вещь можно было рассмотреть.

Это был не камень. Это было ядро. Тёмное, матовое, с тонкой серебряной жилой внутри. Нечто вроде запирающего зерна, в котором ещё теплился остаток функции. Юлий поднял его щипцами и убрал в пустой футляр.

Только после этого сказал:

— То, что ударило из глубины, не хотело, чтобы страж говорил дальше.

Староста тяжело сглотнул.

— То есть внутри есть разум.

— Есть.

— И он нас услышал?

Юлий посмотрел на камень.

— Теперь — точно услышал.

Эти слова будто опустили на всех новую тяжесть. До сих пор беда была страшной, но безличной: туман, скверна, твари, проклятая земля. Теперь же за всем этим вставал кто-то

— пусть не вышедший, пусть запертый, но уже способный слушать, узнавать, пресекать. Не просто зло. Воля.

Староста медленно спустился на пару шагов ниже, но за соляной круг не зашёл.

— Что теперь делать?

— Укреплять периметр. Чистить деревню. И собирать всё, что возможно узнать о том, кто пришёл сюда до нас и пытался взломать печать.

— А сам овраг?

— Я закрою внешний контур жёстче, чем был. На время.

Егор наконец заставил себя спросить:

— А слово... которое вы сказали... Морграт... это оно?

Юлий помолчал. Потом ответил честно:

— Пока не знаю. Может быть, имя того, кто спит в глубине. Может быть, имя самой двери. Может быть, название узла или места на старом языке. Но одно ясно: это не просто страшилка для детей.

Он убрал меч в ножны и взял у Фомы мешок с солью.

— Работать можем?

Фома посмотрел на него так, будто хотел спросить, человек ли он вообще, раз после такого спокойно говорит о работе. Но всё же кивнул.

— Можем.

— Тогда слушайте. Сейчас мы не геройствуем. Мы консервируем рану. Мне нужны четыре плотных соляных кольца, два внешних знака отсечения, и никто не входит внутрь до моего разрешения. Даже если из-под земли начнут просить о помощи голосом родной матери.

Староста мрачно сказал:

— После того, что я видел, я и родной матери сначала бы не поверил.

— И правильно бы сделал.

Они провозились у оврага ещё почти два часа. Юлий заставил людей сыпать соль не сплошной массой, а по узлам, связал штыри серебряной нитью, залил две точки на склоне очищающим составом и поверх всего нанёс дополнительный круг на основе храмовой воды и пепла сожжённой пластины. Там, где раньше проступал дверной контур, земля теперь выглядела тёмной, но глухой. Как свежее зашитая рана.

Когда работа была закончена, Юлий поднялся на склон последним. Оглянулся. Камень стоял молча. Слишком молча. Но теперь хотя бы не отвечал.

На обратном пути никто не разговаривал почти до самой деревни. Лишь когда за полем снова показались крыши домов, староста негромко спросил:

— Если бы ты не закрыл это сейчас... что было бы?

Юлий шёл, глядя себе под ноги.

— К вечеру порог бы расширился. Ночью полезли бы не дымки, а плотные формы. Сначала по одной. Потом стаей. А через пару дней заражение пошло бы не пятнами, а валом. Земля вокруг оврага умерла бы первой. Потом вода. Потом люди.

Староста ничего не ответил. Ему, похоже, хватило и этого. У самых первых домов их уже ждали. Весть, как и следовало ожидать, разошлась быстрее ветра. Люди не подходили близко, но смотрели жадно, тревожно, с немым вопросом в глазах.

Юлий понял это сразу: теперь для них он был не просто магом из столицы и не учеником школы. Теперь он был тем, кто спустился к двери под камнем и вернулся обратно.

Староста выпрямился, оглядел односельчан и громко, чтобы слышали все, сказал:

— До вечера никто к оврагу не ходит. Даже близко. Работы по воде и колодцам начнём по указанию господина Юлия. И запомните: что бы ни слышали ночью — из дома не выходить!

Люди зашептались. Юлий же посмотрел поверх их голов туда, где за крышами и туманом пряталась роща. Он чувствовал это почти физически. Что-то в глубине не смирилось. Оно лишь отступило на шаг. И уже ждало, когда они ошибутся снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.